

жила Орлову с женой навсегда покинуть пределы России. Вскоре Орлова умерла в Лозанне. Эти события не прошли без протестов, которые исходили из вполне определенного лагеря. В Совете в защиту Орлова выступил К. Г. Разумовский. На смерть Орловой Державин откликнулся стихами:

Как ангел красоты, являемый с небес,
Приятствами она и разумом блистала,
С нежнейшею душой героически умирала.
Супруга и друзей повергла в море слез.³²

Стихотворение это было в 1792 г. опубликовано в «Московском журнале» Карамзина, там же, где появился и отрывок из «Писем». Поскольку смерть Орловой не была свежей новостью — с момента ее гибели прошло более 10 лет, в этих публикациях нельзя не усмотреть определенной демонстрации. В общественном смысле Карамзин этими публикациями примыкал к определенному лагерю критиков правительства, в личном — выражал сочувствие Зиновьеву. Ему, конечно, было известно, что последний исключительно остро пережил кончину сестры — именно это событие, усилив религиозно-мистические настроения, привело Зиновьева в лагерь масонов.

Другая веха в размышлениях Карамзина о реально-политических проблемах, стоящих перед Россией, связана с посещением Лафатера. Карамзин уделил в «Письмах» много страниц своим посещениям Лафатера, однако можно сомневаться в том, что все их разговоры отразились на страницах этого произведения. Естественно предположить, что в беседах швейцарского теософа и русского путешественника возникла тема посещения Лафатера другими визитерами из России. Самым выдающимся и наиболее запомнившимся из них был, конечно, «князь Северный» — наследник русского престола Павел Петрович. Лафатер описал в своем дневнике эту встречу. Поскольку, вероятно, в тех же или близких выражениях этот рассказ слышал Карамзин, его стоит воспроизвести:

«Тут заговорил он со мной о физиогномии... Как я дошел до этого? Он получил от своего лейбмедика некоторые отрывки для прочтения. Он был изумлен. Я должен ему предоставить некоторые данные о том, как я подошел к сущности?»

Я отвечал то, что я уже должен был тысячи раз отвечать — что в основу я кладу лоб, на котором я основываю существенные черты характера, из которых я вывожу все остальное и к чему я возвожу все остальное. Тут приложил он свою плоскую руку ко лбу и спросил с непередаваемой улыбкой: „Ну а теперь, как обстоит дело здесь? Я полагаю довольно плохо?“

— Сударь, — отвечал я ему улыбаясь и живо, — Вы не имеете причин быть недовольным ни Вашим лбом, ни Вашей физиономией.

³² Державин Г. Р. Соч. Изд. Я. К. Грота. СПб., 1864, т. 1, с. 152.